

АРХЕОЛОГИЯ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2015. Т. 11. С. 3–38

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 902:55(571.5)

Геоархеологическое байкаловедение: становление, современное состояние, специфика*

Г. И. Медведев, Н. Е. Бердникова, О. И. Горюнова, Е. А. Липнина,
А. Г. Новиков, И. М. Бердников

Иркутский государственный университет

Аннотация. Изложены фактические материалы истории формирования одного из важнейших направлений изучения природы и человека Северной Азии в геологическом прошлом плейстоцена и голоцена на побережье оз. Байкал. Другими словами, статья посвящена геоархеологическому байкаловедению – его возникновению, развитию, современному состоянию и оценке перспектив будущих изысканий. Авторы предлагают описания и характеристики событий, геоархеологических объектов, личностей, охватывающие период около 300 лет. Геоархеологическое байкаловедение рассматривается на широком фоне общих археологических изысканий на платформенных районах Байкальской Сибири. Многие из представленных к публикации материалов малоизвестны или ранее имели иную интерпретацию. В дальнейшем планируется предложить схему геоархеологического районирования побережья оз. Байкал, рассказать об исследованиях пещерных объектов, о новых пунктах наскальных изображений, о каменных «стенах-городищах» и о многом другом.

Ключевые слова: байкаловедение, геоархеология, палеолит, неолит, китойский пласт, палеометалл, палеогенетика, палеогеография.

Самое Море Байкал, подобно ужасной пропасти, которая разбитые хребты берегами себе имеет и в которую взявшиеся оттоль реки стекались. Самый бережный гребень везде по себе следы имеет тяжких и усильственных прошедших приключений, также и знаки отдаленнейшей древности ...

Петр Симон Паллас

Введение

Слово «Байкал» введено во все энциклопедические словари мира, многократно использовано в самых разных торгово-промышленных брендах, эксплуатируется туристическими фирмами, экологическими движениями различной приписки и масштабы. В то же время Байкал (рис. 1) является

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1637.2014/К.

масштабным природным «лабораторным столом» для международных, междисциплинарных, межведомственных исследований. Видовое разнообразие научно-исследовательских усилий, обращенных к проблемам возникновения, развития, сегодняшнего и будущего состояния Байкала, настолько велико, что даже учтено может быть с большим трудом [Байкаловедение ... , 2012].

Определений понятию, выраженному термином-именем «Байкал», предложено много. Наиболее общегеографическим, вероятно, следует принять композицию: один из крупнейших средиземных водоемов Евразии, самое глубокое, самое древнее на Земле пресноводное озеро, заполняющее тектоническую грабен-впадину на юге Северной Азии. Другое, вероятно самое оригинальное, определение принадлежит известному геоморфологу Николаю Александровичу Флоренсову: «Байкал – мировой фонд полезного исчерпаемого» [Флоренсов, 1987, с. 34].

Рис. 1. Озеро Байкал (Малое Море, бухта Берлога)

В укоренении имени «Байкал», видимо, задействованы мотивы разноязычных созвучных названий. Китайцы издавна называли его «Пэ Хай» (северное море) либо «Бай Хай» (белое море). Древние тюрки, хозяйствовавшие на территориях западного и южного обрамления водоема в середине и конце I тыс. н. э., звали его «Бай-кель» (богатое озеро). Так до сего дня уникальную водную чашу зовут якуты. Монголоязычные народы, обживавшие околобайкальские пространства изначально с юга и востока, а затем и с запада, и до тюрков, и рядом с ними, и после них именовали озеро «Далай Нор», т. е. «священное» или «Бай Гол», что означает «богатое, великое». Последнее созвучно тюркскому и китайскому терминам, и, возможно, они взаимосвязаны. Эвенки, их генетические предки, древнейшие обитатели горно-таежных районов, практически по всему периметру байкальского обрамления называли Байкал «Лама» – «море».

Когда российские служилые люди в XVII в. вышли на байкальские побережья и стали обживать околобайкальские пространства, в своих служебных отписках они употребляли разные имена озера-моря: Бай-коль, Бай Гол, Лама. Окончательно, в исторические времена Российской империи, закрепился тюркский вариант – «Бай-кол». Остальные продолжают жить поныне в исторических, фольклорных, литературных произведениях: «Славное море», «Священный Байкал», «Байкал-батюшка», «Седой Байкал» и др.

В 2017 г. исполнится 350 лет началу намеренного изучения Байкала и земель, его окружающих. Условно за отправной рубеж взят 1667 г. В том году стольник царя Алексея Михайловича Романова, тобольский, он же сибирский, воевода Петр Иванович Годунов впервые изобразил озеро на чертеже сибирской земли. От года открытия оз. Байкал (1643 г.) отрядом Курбата Иванова минуло тогда уже 24 года. Карту Годунова можно полагать документом, утверждающим картографическую форму государственного знания, учета и управления. От этого документа можно вести счет многочисленным событиям в жизни озера, где государственно-политические, хозяйственные, научные дела переплетены самым неожиданным образом. Их необычайно трудно дифференцировать и еще труднее выстраивать тематические порядки последовательностей.

Байкальские научно-практические изыскания в XVII–XIX вв. шаг за шагом формировали в пространстве этого природного творения сибирскую, общероссийскую, евразийскую естественную лабораторию, которая сегодня может быть означена международной лабораторией научных исследований. Байкальские изыскания формально – лимнологические, по существу – геолого-лимнологические, в общем реальном тематическом объеме – междисциплинарные, в организации – межведомственные. Эти многоаспектные исследования удобно объединять одним названием – байкаловедение.

В предлагаемой статье изложены фактические материалы истории формирования одного из важнейших направлений изучения природы и человека Северной Азии в геологическом прошлом плейстоцена и голоцена на побережье оз. Байкал. Другими словами, статья посвящена геоархеологическому байкаловедению – его возникновению, развитию и современному состоянию.

К истории байкальских изысканий

Термин «байкаловедение» не новый, но его еще нельзя полагать старым и трудно считать широко распространенным. Реально он был задействован в 1960-е гг. в аудиторном преподавании на биолого-почвенном факультете Иркутского университета. Официально термин «байкаловедение» был документирован изданием учебного пособия для биологов ИГУ в 1972 г. [Кожов, 1972]. Байкаловедение как общее наименование для спектра научных дисциплин, ориентированных на изучение проблем естествознания оз. Байкал, предложил в 1987 г. Н. А. Флоренсов [1987]. Термин «геоархеологическое байкаловедение» был предложен в 2013 г. [Медведев, 2013а], хотя в неофициальных версиях он может существовать от первой четверти XX столетия благодаря терминотворческим способностям друзей-профессоров В. Ч. Дорогостайского и Б. Э. Петри. Тем не менее вопрос о том, кто впервые придумал

(предложил, употребил) термин «байкаловедение», вероятно, останется открытым. Идейным отцом научного изучения Байкала принято считать Бенедикта Тадеуша Дыбовского (1833–1930 гг.), заложившего основы научной лимнологии. Виталий Чеславович Дорогостайский (1879–1938 гг.), Глеб Юрьевич Верещагин (1889–1944 гг.), Николай Викторович Насонов (1855–1939 гг.), Петр Петрович Сушкин (1868–1928 гг.) – инициаторы Байкальской императорской комиссии, создатели стационарной Байкальской лимнологической станции, основатели постоянной Байкальской экспедиции (1916–1924 гг.) – могли остаться навсегда неизвестными авторами столь необходимого сегодня научного термина «байкаловедение». Михаил Михайлович Кожов был их учеником и последователем (1890–1968 гг.).

Байкаловедение как любой вид знания «ведение» есть необходимая отрасль общественного производства. В обществе она может иметь только две формы официальной жизнедеятельности: административно-государственную и научно-государственную. Их необходимый прямой контакт образован в полосе государственных промышленных производств и образовательных процессов. Эти организационные формы безусловны, разнообъемны, взаимовходящи, официальны. На маргиналах этих образований развиты все возможные к учету формы инициативной индивидуальной и коллективной познавательной-исследовательской деятельности. Анализируя развитие геологических изысканий в общем байкаловедении, Н. А. Флоренсов [1987] разделил последнее на два периода: долимнологический и лимнологический. В основу подразделения он положил упорядочение экспедиционных исследований через возникновение стационарной исследовательской службы.

Лимнологический период Н. А. Флоренсов дифференцировал на два этапа до современности, ориентируя читателя на факторы качественного роста стационарного комплексного научно-исследовательского подразделения и успехи сопутствующих ему байкаловедческих изысканий. Схема Н. А. Флоренсова может быть взята за основу историографических подразделений различных научных изысканий на Байкале, разумеется, с соответствующими коррективами дисциплинарной специфики.

Долимнологический период изучения Байкала, начало которого определить затруднительно как любого начала, полон многими именами различных специалистов, внесших свой посильный вклад в общее дело байкаловедения. Николай Гаврилович Спафарий (Николае Милеску-Спэтару), молдавский грек и опальный боярин на русской службе, дипломат, переводчик, писатель, впервые описал Байкал, направляясь в Китай с посольством в 1675 г. Иркутский губернатор К. Л. Фрауендорф в 1766 г. приказал снять первую «правильную» карту оз. Байкал. А в 1771 г. спутник В. И. Беринга по Второй Камчатской экспедиции и по секретной Амурской экспедиции Ф. И. Саймонова штурман Пушкарев сделал первую геодезическую съемку озера и в 1772 г. изготовил первую натурную карту Байкала. Немецкий натуралист, этнограф и российский академик Георги Иоганн Готлиб, работая в экспедиции Петербургской Академии наук П. С. Палласа 1768–1774 гг., описал географию, животный мир побережий и аквариума Байкала. В 1855 г. Густав Иванович

Радде, зоолог Сибирской экспедиции Русского географического общества, в течение 10 месяцев работал на Байкале, обойдя всю его акваторию по периметру. Г. И. Радде и Александр Федорович Миндендорф первыми высказали мнение о малой населенности вод Байкала живыми существами. С 1960-х гг. Байкал фактически становится полигоном разнообразных научных изысканий. Долимнологический период изучения Байкала (последние 40 лет XIX в.) можно считать временем заложения основ фундаментальных междисциплинарных исследований. Байкальские изыскания этих лет связаны с именами замечательных натуралистов – В. А. Годлевского, Б. И. Дыбовского, А. Л. Чекановского, И. Д. Черского; геолога В. О. Обручева, гидрографа Ф. К. Дриженко.

С первыми четырьмя именами связаны славные дела и в польском повстанческо-освободительном движении, и в российском тюремно-каторжном производстве, и в развертывании интенсивных научных исследований в Северной Азии, прежде всего на Байкале. В. А. Годлевский, Б. Т. Дыбовский, например, после отбывания каторжных работ в Забайкалье были водворены в пос. Култук для «передержки» перед якутской ссылкой, а через два года вместо ссылки Бенедикт Дыбовский был представлен к золотой медали за большие успехи в исследовании животного мира вод оз. Байкал. Имена геолога В. О. Обручева и гидрографа Ф. К. Дриженко как бы замыкают плеяду исследователей XIX в., и эстафета изысканий передана была новому отряду байкаловедов – гидрометеорологам А. В. Вознесенскому и В. Б. Шостаковичу, геологу М. М. Тетяеву, зоологу В. Ч. Дорогостайскому, лимнологу и гидробиологу Г. Ю. Верещагину, археологу и этнографу Б. Э. Петри и мн. др.

В 1916 г., в значительной степени по инициативе В. Ч. Дорогостайского, была создана специальная комиссия Академии наук для изучения Байкала, известная как Байкальская императорская комиссия (БИК), и организована первая ее экспедиция. В создании Байкальской императорской комиссии можно видеть финальный результат долимнологического периода, когда были высказаны первые версии природы происхождения озера, его живого населения, собственно, определены принципы науки лимнологии (Б. Т. Дыбовский) и создана строго научная картографическая база дальнейшего комплексного изучения – лимнологический период. Работа БИК органически соединила два периода. В 1916–1917 гг. начались регулярные экспедиции по Байкалу, в 1918–1920 гг. Комиссия открыла временную станцию в с. Большие Коты, в 1922 г. станция была передана Иркутскому университету во временное пользование и осталась при нем до сего дня. Академия наук в 1924–1925 гг. по инициативе академика П. П. Сушкина и Г. Ю. Верещагина организовала постоянную Байкальскую экспедицию и научно-исследовательскую лимнологическую станцию в пос. Маритуй. Начался первый этап лимнологического исследования Байкала. Результаты работ экспедиции уже через три года потребовали расширения Байкальской лимнологической станции (БЛС), которая с 1930 г. по «техническим» причинам была перенесена в с. Лиственичное. Спустя еще 30 лет, в 1961 г., БЛС была преобразована в Лимнологический институт СО РАН.

Байкальские комплексные изыскания 1930–1940-х гг., особенно послевоенные широкомасштабные научно-производственные работы, дали огромные результаты по геологической истории впадины, гидрологии байкальской водной массы, биологии водной и наземной фауны и флоры. Можно утверждать, что байкальские изыскания первого этапа в большой мере составляют фундамент знаний, породивших новое направление в международном сообществе наук о Земле – неотектонику. Когда мир науки в начале 1960-х гг. открыл для себя рифтовую систему, внимание исследователей с неизбежностью обратилось к обширным континентальным грабенам, и прежде всего к Байкалу. От создания Лимнологического института в 1961 г., от программ исследований рифтогенеза (1966 г.) можно вести отсчет второго этапа лимнологического периода в байкаловедении. Возможно, международная программа байкальских научных изысканий 1980–1990-х гг. («Байкалбурение»), приоткрывших миру внутреннее геологическое строение байкальских глубин, ритмы и возрастные ступени формирования, станет рубежным событием в историографии байкаловедения, откроет новый этап или новый период в его развитии. Огромный реестр научных проблем, порожденный комплексными байкальскими лимнологическими исследованиями, сегодня может быть представлен в четырех крупных группировках: 1) происхождение, формы, динамика жизни разлома; 2) водное заполнение Байкальской котловины, причинность, особенности, ритмика колебаний палеогидроуровней; 3) живое население водной массы Байкала и его побережий в геологическом прошлом и настоящем; 4) человек на берегах Байкала – от первого акта творения до антропогенных технопрессингов и движения «зеленых» сегодняшнего дня.

Первые три группировки проблем естественной истории Байкальской впадины, морфологии и строения ее континентального обрамления, жизни водной, наземной фауны, флоры, собственно, и образуют генеральный и самый полемический объем знаний в общем байкаловедении. Парадоксально, что специалисты, причастные к развитию байкаловедческого вектора, одновременно и международного, и регионального знания, во все времена мало были озабочены проблемами изучения и анализа человеческого фактора. И этот отдел знания как бы живет сам по себе, не вызывая в научном сообществе ни споров, ни особых эмоций. Гипотеза древнейшего дорифейского либо среднекайнозойского возраста (30 млн лет) или даже позднекайнозойского образования Байкальской впадины и крупнообломочного ее заполнения отработывалась на государственных, межгосударственных уровнях организации, в международных композициях науки. Версии времени и форм утверждения человеческого присутствия на берегах озера, факты его археологической, исторической деятельности в околобайкальских пространствах очень редко – эпизодически – выходили на уровень государственного заказа. Они разрабатывались преимущественно на локальных, местных уровнях и формах знания, региональной организации исследований и находятся сегодня еще в состоянии становления плановых тематических направлений, выросших из беглых наблюдений в случайных изысканиях [Флоренсов, 1987].

Геоархеология, палеоантропология и этнология в общем байкаловедении

Если принять в качестве основы для отсчета возраста археологических и этнологических поисков факт первого известного и фиксированного внимания к «старинным курьезным предметам», то эти поиски ведутся уже почти 300 лет. Археологическое любопытство человека, как и везде на Земле, на Байкале уходит, наверное, за горизонт всех сколько-нибудь доступных историографических ретрорассмотрений, куда-нибудь в недра палеолитического прошлого.

Случайности от служилых людей – военных, чиновников, государственных путешественников – наблюдения, отложившиеся в их докладах, донесениях, «отписках», можно полагать непостоянными, но все же реперами начала доимнологического периода в истории археологии побережья оз. Байкал. Интерес к древностям, который, в отличие от бытового любопытства, можно было бы считать пытливостью ума ученого, обычно попутного делам иным, мог возникнуть не ранее рубежа XVII–XVIII вв. Немалую роль в этом сыграли многие распоряжения Петра I в 1718 г. на предмет того, что «всякую старую вещь беречь» и «всеми курьезному чертеж делать».

В историографии археологии байкальских берегов уже стало традиционным самые ранние научные интересы к ископаемым древностям ассоциировать с именами Якова Ивановича Линденау в 1740–1750-х гг. и Матвея Матвеевича Геденштрама в 1830-е гг. [Окладников, 1950; Свинин, 1992].

Я. И. Линденау – путешественник, геодезист, участник и руководитель многих экспедиций, в том числе участник Второй Камчатской экспедиции В. И. Беринга. В Иркутске он ведал делами устройства станций почтовой гоньбы и по долгу службы где только ни бывал – конечно, и на Байкале. На байкальском севере и в Приольхонье отметил древнюю «фортификационную архитектуру», которую и сравнил с подобными сооружениями, виденными когда-то в северных областях Сибири, в Якутии например. М. М. Геденштром – человек и специалист особенный, много лет отдавший Арктике, где в начале XIX в. руководил геодезической съемкой Новосибирских островов. Видел много, знал – еще более. С этноархеологией на севере он просто жил рука об руку. В земле иркутской археологические курьезы представлялись ему повсеместно и привычными, и многими разновидными фактами. Обьехав вокруг оз. Байкал, он обнаружил множество разноликих отдельных предметов и сооружений – творений рук древних обитателей побережий озера, о чем с интересом поведал читателям [Геденштром, 2011].

Несомненно, ни весь XVIII, ни начало XIX в. не были ограничены в общественном интересе к местным древностям только делами этих двух ученых мужей. За фамилиями Линденау и Геденштрама – стоп-кадрами формирования археологического знания о байкальских ископаемых ценностях исторического и геологического прошлого – могут быть скрыты и другие личности, но они пока неизвестны. Один пример. Даниилу Готлибу Мессершмидту, бывшему зимой 1724 г. проездом в Иркутске, доставили хорошей сохранности череп мамонта. Ученый немедленно и тщательно зарисовал диковинную находку. Спустя шесть лет рисунок был опубликован в Англии. Возможно,

голова ископаемого толстокожего была доставлена с берегов оз. Байкал, возможно, голову мамонта доставили с берегов р. Индигирки [Philosophical Transactions ... , 1741], или она происходила из какого-то палеолитического местонахождения, известного сегодня в Иркутске, или из еще до сих пор не найденного (кто знает?). В европейской научной хронике «иркутский мамонт» известен: он стал причастным к делу становления науки палеонтологии и палеолитоведения в 1796 г. [Илларионов, 1940, с. 24–25]. В иркутской или байкальской летописях о нем нет сведений. Сходные ситуации могли иметь место неоднократно. Через Иркутск, через байкальские берега в XVIII в. пролегали пути десятков «ученых мужей»... Они все, и воинские чины, и горные инженеры, и геодезисты, и ботаники, и землемеры, были причастны к сибирскому народопознавательству и коллекционированию этнопредметного рукоделия. XVIII – начало XIX в. – время первых географических целеуказаний и попыток сравнительных объяснений увиденного, которое открывает начало формирования фонда сведений о байкальских древностях. Этот период должен быть размещен в недрах долимнологического периода общего байкаловедения. Специфику тех лет легко определить – индивидуальное, спонтанное любопытство ко всему новому, неизведанному, научно-просветительская устремленность. Имя этому временному отрезку логично определить в редакции – «довсорговский», т. е. до момента создания Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. «Довсорговский» этап, по существу, можно считать учетно-статистическим. В его временную протяженность XVI–XVIII – нач. XIX в. возможно произвольно вписывать любой обнаруженный факт фиксированного внимания к многообразию ископаемых древностей или этнографических наблюдений и замечаний. Особенностями надо назвать: 1) первые обозначения «государственного» отношения к древностям в петровские времена XVIII в. и 2) появление в России на рубеже XVIII–XIX вв. официального наименования научного направления, призванного заниматься изучением древностей, – археологии [Формозов, 1975; Археология ... , 1804].

Географическое общество в России было создано в 1845 г. В 1850 г. оно стало именоваться Императорским русским географическим обществом (ИРГО), в 1851 г. был основан его Сибирский отдел в Иркутске (СОИРГО). С 1862 г. он получил наименование «Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества» (ВСОИРГО). Создание ВСОИРГО сообщило делу изучения археологических данностей новый импульс, и археологические изыскания приобрели несколько иной окрас. Восточно-Сибирский отдел ИРГО в Иркутске стал первым научным учреждением, первой научной организацией в Северной Азии. Это как бы предполагало появление таких качеств, как плановость, систематичность, финансирование. Главным же достоинством существования ВСОИРГО было порожденное им чувство приобщения к науке. Есть основания от 1851 г. в историографии этнографических и археологических изысканий на оз. Байкал вести самостоятельный этап и считать его «всорговским» в «долимнологическом» периоде. Такое подразделение, конечно, условно и несколько упрощено, но у него есть означенные выше

фактические – реперные и моральные – подвижнические основания и, стало быть, право на жизнь. Практика геоархеологической историографии в общем байкаловедении внесет необходимые коррективы.

Создание и начало деятельности РГО, опекаемого Домом Романовых, почти совпало по времени с появлением в околобайкальской Сибири большой группы энергичных, интеллектуально-деятельных людей из числа активных участников Январского восстания 1863 г. на юго-западе России – поляков В. А. Годлевского, Б. Т. Дыбовского, Ю. А. Калиновского, В. Ф. Ксенжопольского, А. Л. Чекановского, И. Д. Черского и др. В сибирской каторге и ссылке этих людей также деятельное участие имел Дом Романовых. Реальными свершениями этих невольных жителей Прибайкалья и необыкновенных людей многие отделы научного знания о Земле и человеке североазиатских странств значительно приумножились.

Бенедикт Дыбовский отправился в забайкальскую каторгу адъюнкт-профессором зоологии, заведующим кафедрой Варшавской главной школы (Ягеллонский университет) и, самое главное, первым в России дарвинистом, яростным сторонником эволюционной теории на всю свою долгую жизнь. Он прочитал «Происхождение видов» Чарльза Дарвина в оригинале. В России еще не знали об этой книге. После каторги его, Виктора Годлевского и Владислава Ксенжопольского в декабре 1868 г. доставили в с. Култук, где отбывшие тяжкое наказание должны были ожидать окончательного решения о месте ссылки на поселение в Якутию или в иной район Сибири. С 1869 г., еще по зимнему времени, ссыльнопоселенцы на свой страх и риск и собственные средства организовали исследования микроорганизмов байкальской гидросферы на участке Култук – Лиственичное. Они работали с такой интенсивностью, оборудовав сарай усадьбы в лабораторию, используя в качестве механизмов свою собственную мускульную организацию и силу старой лошади, арендованной у местных охотников, что к 1871 г. Русское географическое общество, пораженное успехами исследований, наградило Бенедикта Тадеуша Дыбовского золотой медалью. Вопрос о с. Култуке как месте поселения для опальных энтузиастов науки был решен окончательно, и с 1869 по 1877 г. Б. Дыбовский провел самые выдающиеся свои байкальские изыскания. Именно в эти годы он создал и отработал основные принципы новой науки лимнологии – первый дарвинист в России, пионер лимнологии в мире. Есть серьезные подозрения, что невероятно активной в разных интересах «култукской троице» были известны археологические находки на Шаманском мысе у с. Култука. Сведения об остатках древних захоронений стали внезапно известны к 1880 г. (Г. Н. Потанин), и, видимо, неслучайно. И не был ли Н. И. Витковский тем самым подготовлен к открытию своего китойского некрополя? Сведения могли просто «уйти по эстафете»... Удается ли эти подозрения когда-либо вывести из положения добропорядочной фантазии, проверить и утвердить доказуемым фактом, неизвестно, но историографам археологии Байкала надлежит об этом сюжете помнить.

Командированный в 1879 г. ВСОИРГО на оз. Байкал И. Д. Черский (рис. 2) должен был решать задачи геологические, но, уже имея опыт

Рис. 2. Иван Дементьевич Черский

открытия и обследования в Иркутске первого в России палеолитического местонахождения, ученый составил опись выявленных попутно археологических объектов – каменных стен (городищ) в районе Приольхонья [Черский, 1880, 1881, 1895]. Это можно считать специальной работой на «адресата-заказчика». В 1881 г. ВСОИРГО финансировало специальные плановые этноархеологические изыскания Н. Н. Агапитова (один из руководителей ВСОИРГО, преподаватель Иркутской учительской семинарии) в Кудинских степях и в Приольхонье. Ему принадлежит честь открытия знаменитых наскальных рисунков в бухтах Саган-Заба и Ая, первых раскопок древних могильников на Байкале [Агапитов, 1882]. Восточно-Сибирский отдел ИРГО стал тем аккумулирующим органом, в который то случайно,

то попутно, эпизодически, а где и систематизированно поступала информация об археологических находках в губернии, и в том числе на оз. Байкал.

Три последних десятилетия XIX и начале XX в. в Сибири, а в Байкальском регионе в особенности, были годами резкого возрастания общественной активности. Вся Россия была в «динамической устремленности» после 1861 г. Это выражено в общем росте культурного самосознания, приобщения к научному знанию, в стремлениях иметь в городах Сибири высшие образовательные учреждения. Для Байкальской Сибири тех далеких лет сегодня можно ретроспективно разглядеть соединение двух активных направлений: университетского дела и археолого-этнологического краеведения.

В требованиях общественности сибирских городов второй половины XIX в. от Дома Романовых иметь на огромных пространствах восточных окраин империи центры высшего образования Иркутск представлялся откровенным и признанным лидером. Сибирское университетское дело согласно апплицировалось на роль города как культурного, экономического, военно-стратегического форпоста Российского государства на Востоке. Деятельность ВСОИРГО – головного научного учреждения Сибири – в общенаучных российских азиатско-американских исследованиях с необходимостью интенсифицировала и археологический вектор изысканий. Успехи иркутской «археологической самодеятельности» ВСОИРГО конца XIX – начала XX в. невозможно дифференцировать на «околобайкальские» и «собственнобайкальские», поскольку речь идет о ценностях, захороненных в земной тверди повсеместно и также повсеместно отыскивавшихся. Но тенденция к систематическим, целевым исследованиям именно на берегах Байкала уже обнаружилась. Здесь особенно уместны приходятся слова Н. А. Флоренсова: «Успехи науки на Байкале прямо зависимы от таковых в окружающих платформенных областях» [Флоренсов, 1987, с. 33]. Можно добавить «и наоборот». Этот не-

обходимый взаимообмен в археологических научных предприятиях имел проявления уже в конце XIX в.

В 1871 г. в Иркутске открыли первое в России местонахождение палеолитической культуры – Военный Госпиталь [Черский, 1872]. В 1880 г. в устье р. Китой, в 60 верстах на северо-запад от Иркутска, был обнаружен уникальный (до сего дня!) неолитический некрополь [Витковский, 1880, 1882]. В 1893 г. открыта стоянка древнекаменного века на Верховенской Горе, известная якобы еще М. М. Геденштруму. Археологические находки на севере оз. Байкал делают сотрудники крупных академических общероссийских комплексных экспедиций зоологов (профессор А. А. Коротнев – 1901–1905 гг.) и гидрографов (полковник Ф. К. Дриженко – 1895–1902 гг.). В докладах начальников экспедиций на заседаниях ВСОИРГО в Иркутске археологии уже уделяется подобающее уважительное внимание. Вероятно, не без влияния результатов работ подобных байкальских экспедиций А. М. Станиловский, общественный деятель, действующий член ВСОИРГО, консерватор музея, в 1902 г. впервые поставил задачу детального обследования на археологию побережья оз. Байкал от его северного култука до южного. К несчастью, в 1905 г. он трагически погиб от руки черносотенца. В 1904 г. вышла из печати третья, после публикаций И. Д. Черского и Н. И. Витковского, книжка ВСОИРГО о древностях края, посвященная специально археологическим богатствам окрестностей Иркутска, под авторством М. П. Овчинникова [1904]. Археологическое знание постепенно, но уверенно обнимало чашу Байкала.

Результатам археологических отысканий в Сибири последней трети XIX – начала XX в. предстоял еще долгий и сложный процесс осознания важности самого содеянного и научной ценности вещественных содержаний собранных археологических материалов. В столичной России археология уже числилась в интерьерах университетского преподавания и уже было стремление к организации специальных кафедр. В Сибири университеты еще предстояло открывать. Но стремление сделать археологию научным инструментом развития общественного сознания просматривалось и на востоке российской Азии.

Рождение реальной научной байкальской археологии состоялось в 1912–1913 гг., когда сотрудник петровской Кунсткамеры – Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге Б. Э. Петри (рис. 3) осуществил первые разведки на Маломорском берегу оз. Байкал и первые раскопки многослойного поселения в бухте Улан-Хада на южном берегу залива Мухор, ставшего на многие годы опорным объектом для изучения древних культур региона [Петри, 1916, 1923, 1926, 1928]. В 1916 г. Б. Э. Петри, судя по всему, вошел в со-

Рис. 3. Бернгард Эдуардович Петри

Рис. 4. Павел Павлович Хороших

став Императорской комиссии по изучению Байкала, утверждавшейся академиком Н. В. Насоновым, а затем и возглавляемой им. Первым, но, к сожалению, единственным актом Комиссии в отношении археологии стало задание Б. Э. Петри начать детальное обследование ископаемых культур на побережье оз. Байкал. Документального подтверждения такому заданию пока нет, и мы принимаем этот сюжет как криптосказательный факт. Б. Э. Петри приступил к исполнению задания немедленно, организовав в том же 1916 г. раскопки в бухте Песчаной [Петри, 1921]. В 1917 г. произошла Октябрьская революция, затем последовала Гражданская война. В эти годы – тяжкие физически, сложные и запутанные морально и политически, справиться с которыми России оказалось все же под силу, у берегов Байкала открыли Иркутский государственный университет (1918 г.). Приват-доцент Б. Э. Петри – один из учредителей Иргосуна – возглавил кафедру, создал команду соратников и учеников-археологов, организовал лабораторно-музейные кабинеты. В Северной Азии родилась научная вузовская археология. Байкал, естественно, был одним из главных векторов в планах археологических изысканий молодого археологического подразделения. Работы петринской команды начали разворачиваться в 1919 г., когда еще гремели бои Гражданской. Б. Э. Петри со своими помощниками уже ходил на моторном судне в бухты Песчаную, Бабушку и Большие Коты. Благодаря археологическим изысканиям его учеников, бывших и действительных студентов университета: Е. И. Титова, П. П. Хороших, Г. Ф. Дебеца, О. И. Толстихиной, И. И. Веселова, А. П. Окладникова, М. М. Герасимова, было обследовано практически все побережье Байкала. Многочисленные экспедиционные маршруты на маломорское побережье и на о-в Ольхон проведены П. П. Хороших (рис. 4), открывшим десятки местонахождений древних стоянок, пещерных объектов и могильников [Хороших, 1924]. Ученики Б. Э. Петри забирались на самый север Байкала, работая в своей этнографической и археологической тематике рука об руку с молодыми университетскими гео- и гидрохимиками [Титов, 1926]. А. П. Окладников (рис. 5) в 1926 г. произвел разведку на юго-востоке Байкала и на устьевом участке р. Селенги [Окладников, 1927]. В районе с. Фофоново им обнаружен первый для этой территории могильник неолита – бронзового века, стационарные раскопки которого были начаты в 1930-х гг. М. М. Герасимовым (рис. 6) [Герасимов, 1941].

К 1927 г. обследованию молодых археологов уже подвергаются побережья Чивыркуйского (Курбулик) и Баргузинского галфов [Хороших, 1929]. Сам Б. Э. Петри вел интенсивный археологический поиск, организуя стационарные раскопочные работы на местонахождениях юго-западного побережья Байкала (Рогатка, Песчаная и др.), на Верхоленской Горе под Иркутском, в Тункинской долине и даже добрался до оз. Хубсугул (Ханх). Но, как ни странно, в состав постоянной Байкальской экспедиции Сушкина – Верещагина (1924–1928 гг.) профессор Иргосуна Б. Э. Петри с археологической тематикой не вошел. В тематические планы Байкальской биологической станции (затем Лимнологической), созданной на базе Байкальской экспедиции, археологическая тематика не входила в 1918–1928 гг. И никогда позже она не значилась и не значится в планах официального байкаловедения вплоть до сегодняшнего дня. Возникновению такой ситуации и закреплению ее на много лет едва ли теперь возможно будет найти достаточно разумное объяснение. С открытием Иркутского университета динамика научных исследований практически во всех тематических ориентациях молодого байкаловедения приобрела как бы второе дыхание, поскольку вузовская наука сразу вошла в контакт с уже действовавшим «всорговским» изыскательским плацдармом. С учетом центрального академического вектора это была уже внушительная сила. Но ни гуманитарные направления, ни археология и этнология в общее движение байкаловедения организационно не вошли. Тем не менее археологические изыскания Б. Э. Петри и его учеников продолжались. Местом реальной научнотематической приписки археологов Иргосуна был Биолого-географический научно-исследовательский институт (БГНИИ) при Иркутском государственном университете, созданный в 1922 г. и к 1930-м гг. часто в литературе именованный «краевым». Здесь царил настоящая научная междисциплинарная атмосфера, создаваемая заботами В. Ч. Дорогостайского и Б. Э. Петри. Половину сотрудников БГНИИ в 1920-е гг. составляли так называемые гуманитары при подавляющем числе археологов.

Рис. 5. Алексей Павлович
Окладников

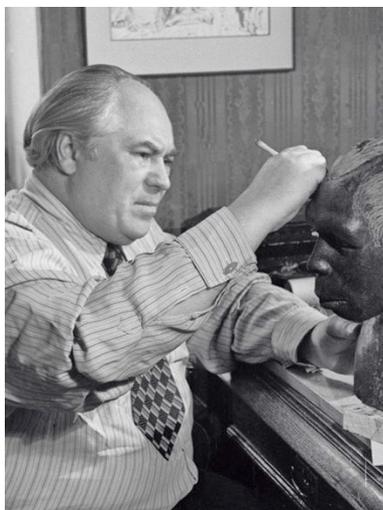

Рис. 6. Михаил Михайлович
Герасимов

В 1930–1934 гг. экстренно проводились археологические экспертные работы на участках от Иркутска до ангарского слива из оз. Байкал и на прилегающих к ангарскому прорану участках байкальского юго-западного побережья. Это задание «Гидропроекта» было перспективным – под будущую Иркутскую ГЭС, которая с неизбежностью должна была поднять уровень вод Байкала и привести к серьезным размывам его берегового контура. Начиналась работа под руководством самого Б. Э. Петри, проводили и заканчивали изыскания его ученики – М. М. Герасимов, А. П. Окладников, Г. П. Сосновский. Задания к 1936 г. были выполнены, и Г. П. Сосновский подписал большой, интересный коллективный академический отчет. Видимо, не без идейной настойчивости Б. Э. Петри А. П. Окладников и М. М. Герасимов, неявно соперничая, в эти годы обследовали часть юго-восточного побережья оз. Байкал в районе дельты р. Селенги. А. П. Окладников раньше, а М. М. Герасимов пятью годами позже (в 1931 г.) обнаружили серию археологических местонахождений, в том числе упомянутый уникальный могильник каменного и бронзового веков – Фофановский. До другого древнейшего могильника на оз. Байкал – Култукского (Шаманский мыс), известного, как можно надеяться, еще Б. Т. Дыбовскому и В. А. Годлевскому, у молодых исследователей руки тогда не дошли.

Таким образом, Б. Э. Петри с воспитанной им университетской командой к 1936 г. при хозрасчетном государственном финансовом обеспечении через Академию наук СССР выполнил в эскизной версии «устное задание» Байкальской комиссии, датированное 1916 г.: они положили на контур байкальских побережий более 100 археологических местонахождений по западному, северному, восточному, южному районам околобайкальского пространства, дополнив эти сведения археологией Кудинских степей, ангарской долины (более чем на 200 км от ее истока), Верхней Лены, Прихубсугулья. Фактически была создана план-карта – плацдарм археологических изысканий последующих лет. Но в 1937 г. Б. Э. Петри не стало, не стало и многих его соратников. Они погибли все сразу, и организаторы, и сподвижники, создавшие сибирскую научную вузовскую археологию; погибли в одном городе, в один год, сказочно страшный в своем самогеноциде для российского – советского гражданского общества. Люди, безоглядно преданные, много полезные России, были так безжалостно, беспричинно, нелепо уничтожены ее государственной машиной. После этой черной даты байкальская археология два десятка лет таилась и теплилась в беглых случайностях иркутских археологов, выживших, сохранившихся в репрессиях и войне.

«Петринский этап» первых коллективных изысканий в Байкальской Сибири 1912–1937 гг. заложил начала будущих тематических, межтематических, междисциплинарных и межведомственных геоархеологических исследований платформенного и рифтового базирования – своеобразной формы «рифтово-платформенной челночной композиции» в изучении ископаемых культурных запасов. Композиционный «петринский этап» не завершился гибелью ученого на рубеже 1930–1940-х гг., он продолжился и в 1950-е гг. И. В. Арембовский, Л. Н. Иваньев, В. И. Подгорбунский, П. П. Хороших – каждый из них по-

своему прожил, сохранил и как смог и сумел селекционировал в новой жизни Иркутска ростки петринской школы. В 1947 г. И. В. Арембовский под Иркутском, А. П. Окладников в Забайкалье (на р. Селенге) провели первые послевоенные раскопки по специально выданным АН СССР Открытым листам. Сегодня эти работы можно назвать стартовыми в археологии Байкальской Сибири второй половины XX в. П. П. Хороших, Э. Р. Рыгдылон, а с ними только что утвердившиеся студенты Иркутского университета В. В. Свинин (рис. 7), П. Б. Коновалов (рис. 8) прямо причастны к реанимации байкальских полевых изысканий иркутской вузовской археологии в середине и во второй половине 1950-х гг. Медленный и трудный процесс восстановления и развертывания послевоенных работ на берегах оз. Байкал документирован редкими и робкими публикациями [Археология, этнология ... , 2005, с. 20–24]. Все работы иркутских археологов 1950-х гг. имели один окрас: они производились «по старым адресам», по случаю, как подтверждение сделанного когда-то, а в поиске их можно квалифицировать «краеведческими открытиями».

Первые послевоенные масштабные археологические исследования состоялись в 1947–1950 гг. в Забайкалье в долине р. Селенги, включая археологию байкальской дельты этой реки – Посольская площадь [Лбова, Хамзина, 1999]. А. П. Окладников, руководивший работами и шедший старыми следами собственных и герасимовских работ 1920–1930-х гг., с одной стороны, подтвердил известный тезис Б. Э. Петри о невероятной насыщенности ископаемыми богатствами в их видовом разнообразии Байкальской археологической провинции. С другой – работы в селенгинском Прибайкалье создали юго-восточный плацдарм циркумбайкальских древностей. Продолжение «околобайкальских» работ состоялось в 1950–1956 гг. в зоне будущего водохранилища Иркутской ГЭС. Раскопки спасательного статуса осуществлялись от истока р. Ангары до створа будущей гидростанции выше Иркутска. Этими работами были охвачены фактически только площади островных образований в долине р. Ангары. На побережье оз. Байкал работы не выдвигались. Исследования экспедиций ленинградского Института истории материальной культуры АН СССР 1947–1956 гг. под руководством А. П. Окладникова трудно считать непосредственно байкальскими. Но их работами были созданы ближние археологические подступы к Байкалу – юго-восточный Посольский и северо-западный Ангарский. В следующее пятилетие 1950-х гг. геологическими и археологическими изысканиями, по сути, создавались позиции дальних ангарских подступов к геоархеологии байкаловедения.

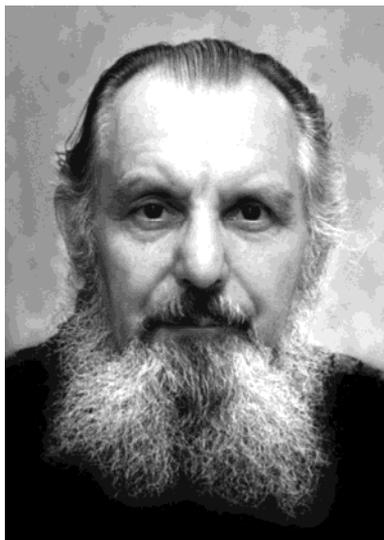

Рис. 7. Владимир Вячеславович Свинин

Рис. 8. Прокопий Батюрович Коновалов

Рис. 9. Михаил Петрович Грязнов

Эпизод специальных, лимнологических, масштабных согласованных разнотематических археологических изысканий относится к лету 1959 г., когда в связи с начавшимся затоплением ложа Иркутской ГЭС на берега озера высадились отряды Байкальской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (официальное название – Иркутская экспедиция) под руководством М. П. Грязнова (рис. 9). Итоги исследовательского триумфа одного полевого сезона обсуждались и частично публиковались затем многие годы разнообъемно и разрозненно [Мандельштам, 1974; Герасимов, Черных, 1975; Древности Байкала ... , 1992; Древние погребения ... , 2004].

Экспедицию М. П. Грязнова (рис. 10) можно в известном смысле сравнить со стартовым сигналом к возобновлению активных байкальских научных археологических изысканий. В основе задания работы этой экспедиции, конечно же, лежал план-эскиз Б. Э. Петри. Десантирование отрядов археологического экспедиционного корпуса «59» выполнялось строго по местам бывшей наработки петринской команды – самого Б. Э. Петри, П. П. Хороших, М. М. Герасимова, А. П. Окладникова и др. Наиболее масштабные раскопки велись на территории Приольхонья (М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, Я. А. Шер, Ю. Д. Баруздин, Л. П. Зяблин, С. С. Сорокин, С. С. Черников, А. М. Мандельштам и др.), где кроме стояночных комплексов исследовались обнаруженные ими многочисленные могильники эпохи неолита – бронзового века. Крупные работы велись на юго-западном побережье оз. Байкал (К. Х. Кушнарева, И. Н. Хлопин) и в районе дельты

р. Селенги (М. М. Герасимов, Е. А. Хамзина, И. Г. Спасский). Результаты работ экспедиции ЛОИА и в географии охвата байкальских побережий раскопочными и разведочными работами в один сезон, и в получении колоссального фонда ископаемых вещей в геостратиграфическом обеспечении, уникальной морфологии, конечно, сразу же приобрели масштабы общенаучной значимости. Реальное понимание состоявшегося масштабного качественного исследовательского предприятия и ощущение органической потребности продолжения этого начала для российской археологии надо считать особым объективным результатом байкальской экспедиции 1959 г. Однако рабочей пролонгации этого события не было. Ему был сначала сообщен режим «всеобщего рабочего ожидания», а затем, с годами, удачный экспедиционный эксперимент 1959 г. модифицировался в яркий историографический эпизод.

Рис. 10. Участники экспедиции под руководством М. П. Грязнова, Улан-Хада, 1959 г. В центре сидят (слева направо): М. М. Герасимов, М. Н. Комарова, М. П. Грязнов

Этот сюжет как бы завершил первую половину или первое десятилетие этапа послевоенных масштабных археологических работ 1950–1960-х гг. Означенное десятилетие изысканий по-своему подытожило значимость геоархеологических начинаний на Ангаре и Байкале в 1920–1940-е гг. Региональный рабочий байкало-ангарский план-эскиз Б. Э. Петри был развернут работами экспедиций в зонах затопления Иркутской ГЭС (А. П. Окладников; 1950–1955 гг.), Братской ГЭС (А. П. Окладников, Н. А. Логачев, М. М. Герасимов, Н. А. Флоренсов, Э. И. Равский; 1956–1960 гг.), на Байкале (М. П. Грязнов, М. М. Герасимов, С. С. Черников, М. Н. Комарова, Л. П. Хлобыстин, Я. А. Шер и др.; 1959 г.) до среднесибирских масштабов общесибирской проблематики археологии и платформенно-рифтовых проблем – в четвертичной геологии кайнозоя [Логачев, Ломоносова, Климанова, 1964].

В работах археологов и геологов-четвертичников на территориях Байкальской Сибири в 1950-е – начале 1960-х гг. отработывалось и закреплялось необходимое рабочее взаимоотношение в постановках общих задач и взаимодействие коллаборантного типа в их исполнении. Работы И. В. Арембовского, С. С. Воскресенского, Н. А. Логачева, С. Л. Троицкого, С. М. Цейтлина явились геоархеологической школой и остаются основополагающими для археологов до сего дня, хотя минуло уже 50 лет.

В Байкальской Сибири время 1950–1960-х гг. уже столетия имеет свое собственное имя – «годы великих строек коммунизма». Академические археологические и геолого-палеонтологические научные экспедиции, выполнявшие на р. Ангаре и оз. Байкал экстренные спасательные работы, одновременно со многими исследовательскими достижениями вели как бы незаметное дело огромной общественно-государственной важности: создали

Рис. 11. Леонид Павлович Хлобыстин

и селекционировали молодое кадровое обеспечение вузовской археологии, заложили основу ее квалификации и организационного устройства. В историографии геоархеологического байкаловедения этот этап следует назвать «новостроечным» и понимать в нем роль многоаспектного научного продуцирования академических новостроечных исследований как завершающую протяженность долимнологического периода в геоархеологических байкальских изысканиях.

1959 г., рубежный в календарном ряду, завершил 1950-е гг., которые для Байкальской Сибири имеет смысл оценить как «реабилитационные» в археологии, и открыл 1960-е гг., можно сказать – селекционные для формировавшихся кадров необходимой ква-

лификации в изучении ископаемых древностей. В 1960 г. открылась аспирантура по археологии при Иркутском государственном университете. В 1963 г. была создана Лаборатория археологии при кафедре всеобщей истории исторического факультета Иркутского университета [Медведев, 2013б].

В 1963–1969 гг. постоянные археологические маршруты вдоль всего побережья Байкала выполняли отряды совместной экспедиции Иркутского государственного университета, Иркутского областного краеведческого музея и Бурятского НИИ СО АН СССР (В. В. Свинин, П. Б. Коновалов, Е. А. Хамзина, Л. П. Хлобыстин). Целью работ было создание свода археологических объектов побережья Байкала и подготовка проекта Байкальского национального парка. В результате работ открыто свыше 100 новых объектов (стоянок и могильников), выполнены раскопки наиболее интересных местонахождений, датируемых от неолита до железного века (Посольская, Ярцы Байкальские, Лысая Сопка, Никола и др.). Впервые на побережье Северного Байкала в местности Лударь зафиксированы стратифицированные археологические материалы мезолитического периода [Хлобыстин, 1965].

Непосредственно из этих работ и Байкальской (Иркутской) экспедиции 1959 г. выросло первое сугубо байкальской тематики диссертационное сочинение Л. П. Хлобыстина (рис. 11) – «Древние культуры побережий оз. Байкал (каменный и бронзовый века)», защищенное в Ленинграде [Хлобыстин, 1964]. Шесть лет спустя появилось монографическое произведение В. В. Свирина – «Археология оз. Байкал», защищенное им в Новосибирске [Свинин, 1970]. В этих работах базовыми концептуальными позициями оставались разработки Б. Э. Петри, подтвержденные новыми фактическими материалами. В работе Л. П. Хлобыстина они документировали археологические позиции мезолита – бронзового века по маломорскому и северобайкальскому побережьям, в монографии В. В. Свирина проблематика не была регламентирована конкретными археологическими эпохами – она обнимала их все полностью и в географическом аспекте имела циркумбайкальский абрис.

1950–1960-е гг. стали по-своему «стартовыми» в археологических изысканиях на территориях к востоку и северо-востоку от Байкала. Исследования в Западном, Восточном Забайкалье, Приамурье и Приморье, в Центральной Якутии, на Чукотке и Камчатке открыли новый ископаемый мир Северной Азии [Окладников, 1959, 1960; Шамсутдинов, 1966; Кириллов, 1969; Кириллов, Константинов, 1968, 1972, 1973; Мочанов 1977; Диков, 1979]. Открытие в 1950-х гг. палеолита в Японии – недостающего звена в японской археологии – можно назвать восклицательным знаком в последней фразе сводки о восточноазиатских археологических открытиях начала второй половины XX в.

Во второй половине 1960-х гг. байкальская зона фактически была окружена со всех сторон обширными сибирскими пространствами, заселенными ископаемыми культурами всей известной на тот период хронометрической археологической протяженности в десятки тысяч лет.

В 1968 г. на Байкале начала работы Северо-Азиатская экспедиция Института истории, филологии и философии СО АН СССР (1968–1979 гг.) под руководством академика А. П. Окладникова. Замыслы ее уверенно можно связывать с означенными выше итогами работ 1950–1960-х гг. Но с ее проведением необходимо связывать и начало очередного, качественно нового этапа в развитии археологического – лимнологического байкаловедения. Его, этот этап, еще трудно с уверенностью назвать лимнологическим в археологических «штудиях», но шагом организационной подготовки к тому – несомненно.

Экспедиция работала в ограниченном пространстве маломорских побережий и на о-ве Ольхон, где и у Б. Э. Петри, и у отрядов экспедиции М. П. Грязнова, и у иркутских современных археологов были интересные наработки. Отрабатывались направления, традиционные для побережья Байкала – железный век, петроглифика и самый популярный в Байкальской Сибири неолитический сюжет. Впервые на ряде местонахождений – Сарма (Сарминский мост I), Еланцы I (Большой карьер), Сахюртэ II и др. собраны орудия палеолитического облика: [Окладников, 1975]. Наиболее значительные исследования проведены А. П. Окладниковым (Саган-Заба, Шаманский Мыс, местность Елгазур) и И. В. Асеевым (рис. 12) (Хоторук, Куркутский и Ангинский комплексы).

Документальным итогом работ Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР в Приольхонье явились монографические труды, освещающие проблемы развития древних культур Байкала в каменном – железном веках [Окладников, 1974; Асеев, 1980, 2003; Конопацкий, 1979, 1982]. Новым в научном плане стало палеолитоведение; в организационно-идеологическом – включение в процесс иностранных специалистов, в данном случае американских аляскинцев, и формирование международной деятельности на Байкале.

На Северном Байкале в 1975 г. отрядом Северо-Азиатской экспедиции обнаружены первые для той территории наскальные изображения эпохи металла (Богучанский остров) и обширные места захоронений железного века на участках нижнего и среднего отделов долины Верхней Ангары (А. П. Деревянко, А. И. Мазин).

Рис. 12. Иван Васильевич
Асеев

Работы Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР на Байкале в 1975 г. совпали по времени с началом грандиозных работ по прокладке трассы БАМ. В проекте государственного строительства никак не были учтены проблемы сохранения ископаемых культурных ценностей полевым научным изучением. Академические и вузовские исследовательские подразделения работали на Северном Байкале в зонах прокладки железнодорожного пути по собственной инициативе и на собственном финансовом обеспечении. Главная роль в этом благородном научном предприятии принадлежит Институту земной коры СО АН СССР в Иркутске.

Иркутский государственный университет приступил к бессрочным плановым тематическим археологическим исследованиям побережья оз. Байкал в 1973 г. Проектировались стационарные политематические команды археологов типа экспедиционной партии из состава квалифицированных кадров полевых подразделений Комплексной археологической экспедиции (КАЭ) штатной научно-исследовательской и научно-учебной лаборатории при историческом факультете Иркутского университета. Тематические исследования КАЭ осуществлялись тогда на территориях Канско-Енисейского региона, Южного Приангарья, Верхней Лены. Формирование автономного байкальского геoarхеологического блока стационарных масштабных изысканий было логичным и закономерным результатом в разворачивании фронта плановых полевых работ от енисейского правобережья до верховьев Витимского бассейна по рабочей проект-программе региональных перспективных направлений 1967–1970 гг. Работы в 1973–1979 гг. байкальской группы Лаборатории археологии и этнографии Иркутского государственного университета совпали с завершением академического исследовательского цикла Северо-Азиатской археологической экспедиции ИИФФ СО АН СССР и началом работ в зоне БАМа. Эти годы надо принять одновременно итоговыми и рубежными. События этих лет – явно композитные – можно считать началом первого этапа «лимнологического» периода в геoarхеологии байкаловедения. Его можно назвать организационным, рекогносцировочным, неопоисковым и т. д. Для каждого из означенных терминов есть соответствующие основания. Время подберет подходящее название. Важно отметить, что дальнейшее развитие событий в геoarхеологических исследованиях байкальских побережий, оценка, рабочая динамика и этапирование целиком связаны с деятельностью специального штатного подразделения Иркутского государственного университета – Лаборатории археологии и этнографии в отношениях последней со структурами АН СССР (РАН), государственными, общественными и зарубежными организациями.

Конец 1960-х – начало 1970-х гг. в археологических научных исследованиях совпали с формированием и закреплением в административном управлении Советской страной специальных органов охраны ископаемых культурных запасов Евразии. Археологи Иркутского университета изначально были органически включены в этот процесс, и, конечно, байкальская археология первого этапа нового периода исполнялась в изысканиях, тесно увязанных с задачами пионерного для Сибири и реально международного движения (А. М. Георгиевский, О. И. Горюнова, Г. И. Медведев, Н. А. Савельев). Еще один сюжет: 1970 г. можно считать началом развития вектора этнологических научно-практических изысканий в Иркутском государственном университете (М. Г. Туров). Таким образом, «узел событий внешнего порядка» вполне основателен для определения начала лимнологического периода в геоархеологии байкаловедения на рубеже 1970-х гг.

За механикой внешней выраженности начала лимнологического периода в геоархеологии байкальского обрамления скрыты, упрятаны или просто полагаются интересные позиции внутренних детерминаторов вхождения в данную конструируемую фазу научного познания.

Начало масштабных полевых археологических работ Иркутского государственного университета на берегах оз. Байкал открыл специальный рекогносцировочный маршрут осенью 1973 г. (Г. И. Медведев, Н. А. Савельев, М. П. Аксенов). Задачей была современная (для тех лет) оценка геолого-ландшафтных дислокаций – видов археологических местонахождений, их перспективной разрешающей способности к изучению в раскопках наличной сохранности участков, либо в экспозиции материалов, соответственно оптимальных объемов работ и очередности последних. Общей территорией разворачивания работ проектировалось континентально-островное Приольхонье со свободными допусками площади на юго-западной границе от устья р. Анги, впадающей в Байкал, и на северо-востоке до условной границы мыс Арал – Онгурены (рубеж Северного и Среднего Байкала). В эпицентре – маломорское побережье с о-вом Ольхон. Район рассматривался и как традиционный уже для археологов-байкаловедов от начала XX в., и как базовый для разворачивания предстоящих многолетних циркумбайкальских стационарных исследований, ориентированных на новые подходы и методики.

Рабочей геохронологической позицией был определен плейстоцен без четко означенной нижней границы, далее – контактный рубеж плейстоцен – голоцен, а в финале – время раннего и позднего голоцена. Тематические позиции определялись внутри археологической протяженности от палеолит-мезолитических ансамблей через полный палеокультурный профиль неолита до ранних и средних отделов палеометалла и далее до средневековья.

Главным идейно-методическим движителем в выводе комплексных стационарных археологических работ от платформенных районов на побережье Байкала в те дни явился многоаспектный опыт исследовательских препараций мультислойчатых геолого-археологических рыхлых толщ, сложенных различными генетическими типами отложений, образовавших многие неоднозначные в определениях формы мезо- и микрорельефа. Геоархеологическая седи-

ментационная мультислойчатость (ее и сегодня по-прежнему именуют многослойностью) как принципиальный признак опорной достоверности и обоснованности геостратиграфии ископаемых культур была рождена на Байкале в первых раскопках Б. Э. Петри 1912–1913 гг. и утверждена им в последующих раскопках 1920-х гг. здесь же, на Байкале, и в байкало-иркутском Приангарье (Улан-Хада, Песчаная, Верхоленская Гора, Царь-Девица, Рогатка и др.). В 1930-е гг. принцип многослойности отрабатывался М. М. Герасимовым на платформе (Усть-Белая). В 1950–1960-х гг. и в последующие годы исследования продолжили ученики М. М. Герасимова на местонахождениях в долинах рек Белой, Ангары, Кана, Лены (Уляха, Ленковка, Красный Яр, Горелый Лес, Макарово II, Шишкино II, Стрижовая Гора, Казачка и др.). Сначала в 1959 г. эпизодом, а в 1973 г. стационарно принцип многослойности как поисковый индикатор и как исследовательский подход уверенно вернулся на археологические берега Байкала. В 1973 г. принцип был значительно модифицирован в своем концептуальном содержании.

Геохроностратиграфия мультислойчатых и неслойчатых рыхлых позднекайнозойских отложений, обогащенная палеокультурными ритмостратиграфическими последовательностями, создала основу представлений о несостоятельности геолого-геоморфологической парадигмы аллювиальных циклов и ритмов врезания тальвегов рек в процессах формирования рыхлых толщ, создавших на платформах современные знаковые рельефообразования, содержащие остатки древних культур. Эти соображения входили в элементарный реестр необходимостей развертывания стационарных археологических работ на Байкале. Их, в общем, можно сегодня объединить в так называемый второй сюжет – геологический.

Третий сюжет, трудный, прежде всего, в постановке в 1950–1970-е гг. и весьма сложный в попытках решения сегодня, – антрополого-этногенетический. В нем собран весь ком догадок, сомнений и противоречий, оснований и надежд на успех изысканий в проблематике «человек на Байкале» – от первого акта творения и до становления на берегах моря-озера государственности.

Проблемы физической палеоантропологии Северной Азии вообще, и Байкальской соответственно, образуют сегодня массив плана перспектив изысканий, которые не так просто просмотреть и на ближайшее время вперед, а им предстоят, видимо, многолетние эксперименты. Эти проблемы обнимают истоки расово-генетических типов древнего населения Азии времен первых шагов палеотехногенеза и возникновение самого байкальского антропогенного палеоэтнокультурного многообразия. Органически в этот же блок входят проблемы происхождения североазиатских этносов в их неразгаданной до сих пор «портретной» эволюционной иерархии, равно как и проблемы характеристик народонаселения байкальской ойкумены поры фольклорно-племенных (исторических) документаций.

Блок геолого-палеонтологических представлений о возможной исходной древности человека на Байкале существовал к 1960-м гг. как схема ориентации на постановку исследовательских задач. Тогда молодым геологом Д. Д. Базаровым было высказано, а Н. А. Логачевым как бы документально

предъявлено [Логачев, Ломоносова, Климанова, 1964] принципиальное основание теоретически считать плиоценовое время на Байкале потенциально антропогенным. Плиоцен маломорского берегового фронта о-ва Ольхон содержал фауну виллафранкского типа, соответствующую началам человеческих производств в афро-европейском бассейновом обрамлении Средиземноморья. В те времена эти мысли казались чрезмерно смелыми, сегодня они недостаточно обоснованы и крайне слабо документированы. Но флюиды обсуждения этих мыслей и находки коррадированных изделий из кварцита в платформенных областях Средней Сибири, как эхо их возможной реальности, лежат в основании добропорядочной палеолитической «провокации» А. П. Окладникова на Байкале. Он смело, хотя и поспешно, предложил странный «кварцитовый палеолит» в качестве древнейших следов человечества на берегах озера [Окладников, 1975]. Геологический и археологический возраст кварцевого ансамбля остался плавающим в диапазоне междисциплинарного плейстоценоголоцен – палеолит-мезолит, техноморфологические признаки собранных материалов весьма сомнительны, особенно в природе происхождения иллюстраций предметов. Но «палеолитический шар» был запущен в общую проблематику ископаемых древностей на берегах оз. Байкал от геолого-палеонтологических – палеоантропологических проблемных вех.

В исследовательском поле современной геоархеологии Байкальской Сибири преимущественно на ближайших географических подступах к древностям Байкала, в истории изучения последних, объяснений их хронологического ранжирования и в развитии палеоантропологического сюжета уникальную значимость имеет «узел плюрализма» междисциплинарных проблем, сосредоточенных в китайском неолитическом феномене. «Драма Китая» не сходит с археологических подмостков уже почти полтора столетия. набросок сценария к ней первым сделал Н. И. Витковский, опубликовавший материалы погребений раскопанного им в 1880 г. древнего некрополя в устье р. Китой, впадающей слева в р. Ангару в 60 км ниже Иркутска. Граф А. С. Уваров сделал первые немедленные правки к «сценарию» [1881]. В байкальскую геоархеологию китайскую проблему ввел Б. Э. Петри [1921, 1926], видение положения китайских находок в археологии камня Прибайкалья на рубеже неолита – мезолита дал В. И. Подгорбунский [1925, 1926].

Узел проблематик антропологии и археологии завязали Б. Э. Петри и М. М. Герасимов, открывшие в 1924 г. «иркутский погребальный филиал» китайской культуры, которую полагали ранне-неолитической [Герасимов, 1955], и Г. Ф. Дебец (рис. 13), сделавший первый экскурс в область научной физической антропологии китайцев [Дебец, 1930]. Свою версию периодического положения китайской археологической культуры в древней истории народов Сибири предложил А. П. Окладников [1938, 1950]. Версия была альтернативной, не имела антропологического содержания, но в ней было много от современной этнографии и общей социологии. Она размещала китайцев на самом вершине неолитической пирамиды и в такой редакции достаточно долго жила в сибирской археологии основополагающей парадигмой [Историческая энциклопедия Сибири ... , 2010].

Рис. 13. Георгий Францевич Дебеч

Но не случилось, а работы продолжены не были. В 1960 г. китойская проблема была конфликтно обозначена диалогом М. М. Герасимова и А. П. Окладникова на Всесоюзном совещании историков Сибири и Дальнего Востока в Иркутске. Конфликт был как бы случайностью, но имел развитие. В 1962 г. первое погребение китойского типа обнаружили в устье р. Белой. В 1964 г. были начаты раскопки Усть-Бельского китойского могильника [Георгиевская, 1989]. Проблема была поставлена к разработке в герасимовской версии сценария [Савельев, Медведев, 1973]. Таким образом, в составе внутренних движителей проекта развертывания тематических геоархеологических работ археологов Иркутского университета на побережье оз. Байкал к 1973 г. был задействован объемный компо-

нент китойской неолитической проблематики. В равной степени китойский сюжет на Байкале был необходим и А. П. Окладникову. Ему сначала сопутствовал успех. Там, где копала экспедиция М. П. Грязнова в 1959 г. – на мысе Бурхан у пос. Хужир – в 1972 г. было найдено погребение китойского типа, которое имело «очень древнюю» радиоуглеродную дату и не вписалось в принятую палеосоциальную пирамиду неолита Прибайкалья [Окладников, 1950, 1973; Конопацкий, 1982].

Можно еще раз повторить, что совокупность событий в геологии и археологии околбайкальских пространств первого пятилетия 1970-х гг. располагает считать это время началом лимнологического этапа байкальской геоархеологии.

1973–1990 гг. – время вхождения в исследовательский режим, апробация способов, подходов, методик изысканий во всем геоархеологическом спектре изучения антропогенных палеотехнологических ансамблей Байкала. Рекогносцировочные работы 1973 г. в Приольхонье предопределили основной исследовательский полигон для решения поставленных проблем. В 1974 г. возобновились стационарные исследования на геоархеологическом объекте Улан-Хада, которые были продолжены в 1979, 1982, 1990 гг. (О. И. Горюнова, Н. А. Савельев, Г. А. Воробьева). В эти годы проведены комплексные раскопки ряда многослойных местонахождений и древних могильников по всему побережью Байкала. Наиболее значимые из них: Итырхей, Берлога, Тышкинэ II, III, Саган-Нугэ, Сарминский Мыс, Елга VII, Куркут I–II, Хужир II, III, Харанса I–III – в Приольхонье (О. И. Горюнова, Г. А. Воробьева, В. В. Свинин, Н. А. Савельев); Катунь I, Окунева IV – на восточном побережье Байкала (О. И. Горюнова, Ю. П. Лыхин, Г. А. Воробьева); Падь Долгая – на юго-западном побережье Байкала (Н. А. Савельев, А. А. Хамзин); Курла I–IV и Байкальское I–VI – на Северном Байкале (П. Е. Шмыгун, В. В. Свинин,

А. В. Харинский, Т. А. Абдулов) и др. Хронологический охват этих объектов – от мезолита до периода этнографической современности. Новым в изучении железного века региона явилось выделение бутухейской и елгинской групп погребений, датируемых разными периодами раннего железного века [Горюнова, 1993; Горюнова, Пудовкина, 1995]. Крупным событием явились раскопки П. Е. Шмыгуна на Северном Байкале в 1975–1977 гг. комплексов эпохи позднего палеолита – раннего мезолита на объектах Курла I–IV [Шмыгун, 1981; Шмыгун, Филиппов, 1982]. Это первые стратифицированные объекты палеолита на побережье Байкала. О возможно широком распространении верхнепалеолитических стоянок на Байкале свидетельствуют находки, фиксированные в стратиграфической ситуации, аналогичной курлинской, в районе пос. Бугульдейка (Г. И. Медведев, Н. А. Савельев, П. Е. Шмыгун, 1989 г.) и в бухте Сарайская на о-ве Ольхон (Г. И. Медведев, М. П. Аксенов, 1983–1984 гг.).

В 1982 и 1990 гг. стратиграфические разрезы многослойных поселений Улан-Хада, Саган-Нугэ и Берлога демонстрировались на байкальских экскурсиях международных конгрессов как опорные объекты при изучении древних культур, палеоклиматов и палеоландшафтов региона периода голоцена [Стратиграфия, палеогеография и археология ... , 1990].

Результаты работ археологических экспедиций Иркутского государственного университета 1973–1990 гг. в Приольхонье нашли свое отражение в серии диссертационных сочинений и монографических изданий, освещающих проблемы развития древних культур Байкала от каменного века до периода этнографической современности [Горюнова, 1984, 1997, 2002; Зайцев, 1989; Павлуцкая, 1990; Харинский, 1994; Древние погребения ... , 2004]. На основе комплексных исследований и корреляции серии многослойных поселений Приольхонья была разработана схема периодизации культур от мезолита до железного века, предложена реконструкция палеоклиматов и палеоландшафтов региона в голоцене [Сизиков, Савельев, Филимонова, 1975; Горюнова, 1984; Горюнова, Воробьева, 1986; Воробьева, Горюнова, Савельев, 1992].

Эпизодически к исследованиям побережья Байкала в эти годы подключались археологические отряды, руководимые бывшими выпускниками Иркутского университета: Иркутского государственного объединенного музея (В. И. Смотров (Бердникова), 1980 и 1983 гг.) и экспедиции БИОН Бурятского филиала СО АН СССР (Б. Б. Дашибалов, 1984–1986 гг.). Основная направленность их работ – изучение культовых и погребальных комплексов периода железного века – этнографической современности [Бердникова, Яковлева, Горюнова, 1989; Дашибалов, 1990, 1995, 2005]. Несомненной заслугой Б. Б. Дашибалова является обнаружение и исследование погребений позднего железного века (могильники Черенхын I и IV в Приольхонье).

Геоархеологическое байкаловедение в составе всего блока геоархеологических изысканий Байкальской Сибири в 1980-е гг. XX в. обнаружило отчетливую тенденцию к изменению в организации научных позиций и в интерьерном строении самого университетского подразделения, в подходах к пониманию пространственного поля археологических работ и в существе их производства. Были предприняты усилия к вовлечению в сферу полевых изысканий

районов горной «Саянской страны» (Тунка, Зангисан, 1983 г.), среднего течения р. Лены (Кривая Лука, 1984–1988 гг.), северных территорий (Катанга, Нижняя Тунгуска), давшие исключительно важные сведения по средне- и раннеплейстоценовым ансамблям ископаемых культур. В 1986 г. археологическое подразделение ИГУ получило статус штатной научно-исследовательской лаборатории. В 1992 г. она была преобразована в научно-исследовательский центр при научно-исследовательской части Иркутского университета. В этом же году была издана официальная топографическая сводка «Археологические памятники побережья оз. Байкал» [Горюнова, Свинин, 1992], а в дальнейшем вышла трилогия свода археологических памятников Ольхонского района, включающая сведения о более чем 600 хронологически разновременных археологических объектах Приольхонья [Горюнова, Свинин, 1995, 1996, 2000].

Продуктивное научно-организационное начало в целом для геоархеологии Байкальской Сибири имело положительную пролонгацию в событиях геоархеологического байкаловедения 1990-х гг. и начала XXI в.

В 1993 г. по инициативе академика А. П. Деревянко при Иркутском государственном университете была создана совместная Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН и Иркутского государственного университета (ИЛАП ИАЭТ СО РАН – ИГУ). Директор института академик А. П. Деревянко и ректор университета профессор А. И. Смирнов в 1993–1994 гг. согласовали необходимость создания совместной научно-исследовательской базы на Маломорском побережье Среднего Байкала для обеспечения наиболее оперативного, масштабного стационарного исследования археологии побережья всего озера. Основным принципом научного байкаловедения – тематическая непрерывность исследовательской организации – был введен и закреплен объединением вузовской и академической науки, что создало стартовую позицию выхода геоархеологического байкаловедения на качественно новый уровень исследований. Геоархеологическое байкаловедение было вписано в конструкцию «научно-исследовательского зонтика», сформированного академиком А. П. Деревянко на пространствах от Урала до тихоокеанского фаса Евразийского континента.

Основным полигоном исследований экспедиций Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ оставалось Приольхонье. Особое внимание было направлено на изучение комплексов раннего голоцена (О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Г. А. Воробьева). На новом уровне возобновлены раскопки поселений Кулара III, Берлога и выявленной стоянки Хужир-Нугэ XV [Новиков, Горюнова, 2009]. В результате исследований предложена схема культурно-хронологической периодизации и изменений палеоэкологической обстановки раннего голоцена Приольхонья [Горюнова, Новиков, 2000; Воробьева, Горюнова, Новиков, 2006]. Продолжены исследования погребально-ритуальных комплексов эпохи палеометалла – раннемонгольского времени (О. И. Горюнова, А. В. Харинский, Г. В. Туркин).

Активная поддержка геоархеологических изысканий институтом в Новосибирске и университетом в Иркутске позволила разработать и выполнить ряд международных проектов по тематике североазиатской геоархеологии (Бель-

гия, Канада, Япония), реализовать раскопки могильников, многослойных местонахождений палеолита, неолита и эпохи бронзы.

Международный российско-канадский проект «Развитие и преемственность культур охотников-рыболовов Прибайкалья в среднем голоцене» (Иркутский государственный университет – Университет Альберты, г. Эдмонтон, Канада, руководители – А. Вебер, О. И. Горюнова, Г. И. Медведев, с 1997 г. по настоящее время) фактически полностью отрабатывался на археологических объектах байкальского западного побережья и южном култуке озера (рис. 14, 15). Исследования направлены на реконструкцию экономики, моделей передвижения и социальных отношений населения Прибайкалья в неолите и бронзовом веке. Работы базируются на комплексных данных, полученных на основе междисциплинарных исследований канадских и российских ученых. Раскопаны уникальные погребальные комплексы раннего неолита – Шаманка II (В. И. Базалийский), палеометалла – Хужир-Нугэ XIV, Курма XI (О. И. Горюнова, А. Вебер) и многослойные поселения – Саган-Заба II (О. И. Горюнова, А. Вебер, А. Г. Новиков), Бугульдейка II (Н. А. Савельев). Результаты совместных исследований реализованы в диссертационной работе и серии монографий, опубликованных в России и за рубежом [Новиков, 2007; Новиков, Вебер, Горюнова, 2010; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012; Khuzhir-Nuge XIV ... , 2007, 2008; Nomokonova, Losey, Goriunova, 2009; Kurma XI ... , 2012].

В работу по геоархеологии оз. Байкал в 1997 г. активно включилось новое исследовательское подразделение – Лаборатория древних технологий при Иркутском техническом университете, сформированная из состава археологов-специалистов Иркутского университета (А. В. Харинский, Г. В. Туркин, Ю. А. Емельянова и др.). Ими проводятся работы в традиционных исследовательских районах Иркутского университета: на Северном Байкале и в Приольхонье (раскопки городищ, могильников железного века, раннемонгольского времени и др.). Значительный интерес представляют раскопки в Приольхонье металлургических центров железного века: Барун-Хал II, III, Курма XXVIII и Курминское озеро I [Кожевников, Харинский, 2005]. Результаты работ сотрудников Лаборатории древних технологий ИрГТУ реализованы в диссертационных и монографических изданиях [Харинский, 2001, 2001а; Туркин, 2003; Емельянова, 2010; Кичигин, 2012].

Заключение

В предлагаемой статье рассмотрены основные направления истории формирования геоархеологического байкаловедения, его возникновения, развития и современного состояния. Объем публикации не позволяет отметить всех исследователей и все научные проблемы, решаемые на материалах археологических объектов побережья Байкала. За рамками остались исследования пещерных объектов, новых пунктов наскальных изображений, каменных стен-городищ и мн. др.

Рис. 14. Раскопки многослойной стоянки Саган-Заба II

Рис. 15. Раскопки многослойной стоянки Бугульдейка II

В настоящее время стационарными, разведочными, экспертно-археологическими работами охвачен фактически весь периметр байкальских берегов. С начала 1980-х гг. на побережье Байкала работают отряды различных организаций, чья деятельность направлена на картирование, паспортизацию и составление сводов археологических объектов [Горюнова, Свинин, 1995, 1996, 2000; Лбова, Хамзина, 1999]. Разворачиваются новостроечные работы по выявлению и спасению древних памятников. Постоянно работают отряды археологических экспедиций: с 1982 г. – Иркутского государственного университета (О. И. Горюнова, Н. А. Савельев, В. В. Свинин, В. В. Павлуцкая, Н. Е. Бердникова, В. М. Ветров, П. Е. Шмыгун, А. В. Харинский, А. А. Хамзин), Научно-реставрационного проектно-конструкторского бюро и НПЦ охраны памятников Республики Бурятия (Л. В. Лбова, В. П. Конев, А. Д. Цыбиктаров); с 1993 г. – Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ (О. И. Горюнова, А. В. Харинский, А. Г. Новиков); с 1997 г. – Иркутского государственного технического университета (А. В. Харинский, Г. В. Туркин и др.). Тем самым масштабы археологического научного освоения байкальского побережья значительно расширяются.

Таков долгий путь познания палеокультур побережья Байкала. Исследования археологических объектов продолжают, перспективность их очевидна как в научном, так и в практическом плане.

Список литературы

- Агапитов Н. Н.* Прибайкальские древности / Н. Н. Агапитов // Изв. ВСОРГО. – 1882. – № 4–5. – С. 1–28.
- Археология* // Северный вестник. – 1804. – Ч. 1. – С. 204–210.
- Археология, этнология, антропология юга Байкальской Сибири.* Иркутская область : библиогр. указ. / сост. Г. Н. Михнюк. – Иркутск : Оттиск, 2005. – 188 с.
- Асеев И. В.* Прибайкалье в средние века: (по археологическим данным) / И. В. Асеев. – Новосибирск : Наука, 1980. – 149 с.
- Асеев И. В.* Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла / И. В. Асеев. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.
- Байкаловедение* : в 2 кн. – Новосибирск : Наука, 2012. – Кн. 1. – 468 с.
- Байкаловедение* : в 2 кн. – Новосибирск : Наука, 2012. – Кн. 2. – 644 с.
- Бердникова В. И.* Жертвенные комплексы Приольхонья (VI–XIX вв.) / В. И. Бердникова, В. В. Яковлева, О. И. Горюнова // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск : Наука, 1989. – С. 71–78.
- Витковский Н. И.* Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии / Н. И. Витковский // Изв. ВСОРГО. – 1881. – Т. 11, № 3–4. – С. 1–12.
- Витковский Н. И.* О результатах раскопок древних могил, принадлежащих к каменному веку / Н. И. Витковский // Изв. ВСОРГО. – 1880. – Т. 12, № 1.
- Витковский Н. И.* Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. / Н. И. Витковский // Изв. ВСОРГО. – 1882. – Т. 13, № 1–2. – С. 1–36.
- Воробьева Г. А.* Хронология и палеогеография голоцена юга Средней Сибири / Г. А. Воробьева, О. И. Горюнова, Н. А. Савельев // Геохронология, четвертичного периода. – М., 1992. – С. 174–181.

Воробьева Г. А. Культурно-хронологическая периодизация и палеоэкологическая обстановка раннего голоцена Приольхонья / Г. А. Воробьева, О. И. Горюнова, А. Г. Новиков // Современные проблемы археологии России : материалы Всерос. археол. съезда. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 189–191.

Геденштром М. М. Отрывки о Сибири / М. М. Геденштром. – СПб. : Альфарет, 2011. – 172 с.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья / Г. М. Георгиевская. – Новосибирск : Наука, 1989. – 152 с.

Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек) / М. М. Герасимов. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с.

Герасимов М. М. Реки Селенга и Белая, 1936 / М. М. Герасимов // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. – М.; Л., 1941. – С. 318–321.

Герасимов М. М. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири / М. М. Герасимов, Е. Н. Черных – Л. : Наука, 1975. – С. 23–48.

Горюнова О. И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. И. Горюнова. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О. И. Ранний железный век на территории Предбайкалья: (современное состояние проблемы) / О. И. Горюнова // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. – Улан-Удэ, 1993. – С. 76–80.

Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал) / О. И. Горюнова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Горюнова О. И. Древние могильники Прибайкалья (неолит-бронзовый век) / О. И. Горюнова – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002. – 84 с.

Горюнова О. И. Особенности природной обстановки и материальной культуры Приольхонья в голоцене / О. И. Горюнова, Г. А. Воробьева // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск : Наука, 1986. – С. 40–54.

Горюнова О. И. Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья / О. И. Горюнова, Е. А. Пудовкина // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1995. – С. 154–174.

Горюнова О. И. Археологические памятники побережья оз. Байкал : Карта многокрасочная / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск, 1992.

Горюнова О. И. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области: (Историко-культурное наследие Иркутской области: Археология) / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 1995. – Ч. 1 : Остров Ольхон. – 140 с.; 2 карты.

Горюнова О. И. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 1996. – Ч. 2 : Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 213 с.

Горюнова О. И. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск: Арком, 2000. – Ч. 3 : Материковый участок от мыса Улан до р. Бол. Бугульдейка. – (Археология). – 182 с.

Горюнова О. И. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз. Байкал) / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей : Междунар. науч. семинар. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2000. – С. 51–57.

Горюнова О. И. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI / О. И. Горюнова, А. В. Вебер, А. Г. Новиков. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2012. – 271 с.

Дашибалов Б. Б. Курыканы: (Курумчинская культура Прибайкалья и юга Средней Сибири) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б. Б. Дашибалов. – М., 1990. – 22 с.

Дашибалов Б. Б. Плиточные могилы острова Ольхон / Б. Б. Дашибалов // Культуры и памятники бронзового и раннего железного века Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – С. 79–83.

Дашибалов Б. Б. Миграции хори-монголов / Б. Б. Дашибалов // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 236–239.

Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья : (палеоэтнологический этюд) / Г. Ф. Дебец // Изв. ассоциации НИИ при физ.-мат. факте Моск. ун-та. – 1930. – Т. 3, № 2-А. – С. 151–169.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии / Н. Н. Диков. – М. : Наука, 1979. – 354 с.

Древности Байкала : сб. науч. тр. / отв. ред. В. М. Массон. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 252 с. : ил.

Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл) / О. И. Горюнова А. Г. Новиков, Л. П. Зяблин, В. И. Смотров. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 88 с.

Емельянова Ю. А. Население северо-западного побережья Байкала в раннем бронзовом веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. А. Емельянова. – Барнаул, 2010. – 24 с.

Зайцев М. А. Ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры в Приольхонье: (оз. Байкал) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Зайцев. – Кемерово, 1989. – 16 с.

Илларионов В. Т. Мамонт. К истории его изучения в СССР / В. Т. Илларионов. – Горький : Горьк. пед. ин-т, 1940. – 96 с.

Историческая энциклопедия Сибири : [в 3 т.] / гл. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2010. – Т. 1. – 715 с.

Кириллов И. И. Каменный век Восточного Забайкалья в древности : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. И. Кириллов. – Новосибирск, 1969. – 18 с.

Кириллов И. И. Новые палеолитические памятники в бассейне р. Ингоды / И. И. Кириллов, М. В. Константинов // Ученые записки Читинского гос. пед. ин-та им. Н. Г. Чернышевского. Вопросы истории. – Чита, 1968. – Вып. 18. – С. 81–92.

Кириллов И. И. Работы в Читинской области / И. И. Кириллов, М. В. Константинов // Археологические открытия 1971 г. – М. : Наука, 1972. – С. 256–258.

Кириллов И. И. Археологические исследования в Читинской области / И. И. Кириллов, М. В. Константинов // Археологические открытия 1972 г. – М. : Наука, 1973. – С. 216.

Кичигин Д. Е. Поздний бронзовый – ранний железный века северо-западного побережья оз. Байкал (по материалам стоянок) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Е. Кичигин. – Владивосток, 2012. – 25 с.

Кожов М. М. Очерки по байкаловедению / М. М. Кожов. – Иркутск, 1972. – 255 с.

Кожевников Н. О. Магнитное поле в пади Барун-Хал и его связь с объектами древней металлургической деятельности / Н. О. Кожевников, А. В. Харинский // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 38–48.

Конопацкий А. К. Древние памятники о. Ольхона и Приольхонья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. К. Конопацкий. – Новосибирск, 1979. – 18 с.

Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала: (о. Ольхон) / А. К. Конопацкий. – Новосибирск : Наука, 1982. – 176 с.

Лбова Л. В. Древности Бурятии: карта археологических памятников / Л. В. Лбова, Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 220 с.

Логачев Н. А. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра / Н. А. Логачев, Т. К. Ломоносова, В. М. Климанова. – М. : Наука, 1964. – 195 с.

Мандельштам А. М. Шатровый могильник у оз. Нурэ (о. Ольхон) / А. М. Мандельштам // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск : Наука, 1974. – С. 150–155.

Медведев Г. И. О геоархеологическом байкаловедении: формирование, перспективы / Г. И. Медведев // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013а. – С. 102–113.

Медведев Г. И. Университетской научной археологии Северной Азии – 95 лет / Г. И. Медведев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013б. – № 2 (3). – С. 176–202.

Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии / Ю. А. Мочанов. – Новосибирск : Наука, 1977. – 263 с.

Новиков А. Г. Погребальная практика населения глазковской культуры Прибайкалья: по материалам могильника Хужир-Нугэ XIV : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Г. Новиков. – Иркутск, 2007. – 26 с.

Новиков А. Г. Раннеголоценовый комплекс поселения Хужир-Нугэ XV в Приольхонье / А. Г. Новиков, О. И. Горюнова // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. : материалы всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. – Иркутск : Изд-во «Амтера», 2009. – С. 271–281.

Новиков А. Г. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV / А. Г. Новиков, А. В. Вебер, О. И. Горюнова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 296 с.

Овчинников М. П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях Иркутска / М. П. Овчинников // Изв. ВСОРГО. – 1904. – Т. 35, № 3. – С. 62–76.

Окладников А. П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях села Кабанска / А. П. Окладников // Бурятоведческий сборник. – Иркутск, 1927. – Вып. 3–4. – С. 102–105.

Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья / А. П. Окладников // ВДИ. – 1938. – № 1 (2). – С. 244–260.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА. – № 18).

Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья (очерки по древней и средневековой истории Приморского края) / А. П. Окладников. – Владивосток, 1959. – 292 с.

Окладников А. П. Древние культуры Дальнего Востока СССР (Приморье) в свете новейших исследований / А. П. Окладников. – М. : Изд-во Вост. лит., 1960. – 9 с.

Окладников А. П. Некрополь посреди Байкала / А. П. Окладников // Наука и человечество. – М. : Знание, 1973. – С. 379–380.

Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири / А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1974. – 125 с.

Окладников А. П. К изучению древнейших следов деятельности человека на озере Байкал: «Кварцевый палеолит» / А. П. Окладников // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск : Наука, 1975. – С. 11–21.

Павлуцкая В. В. Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников (по материалам могильников XI–XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Павлуцкая. – Л., 1990. – 16 с.

Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада / Б. Э. Петри // Сб. МАЭ АН. – 1916. – Т. 3. – С. 113–132.

Петри Б. Э. Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале / Б. Э. Петри // Сборник трудов профессоров и преподавателей. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1921. – Вып. 2. – С. 56–65.

Петри Б. Э. Программа исследования стоянок под открытым небом / Б. Э. Петри. – Иркутск, 1923. – 15 с.

Петри Б. Э. Сибирский неолит / Б. Э. Петри // Изв. БГНИИ при ИГУ. – 1926. – Т. 3, вып. 1. – С. 39–75.

Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья: Науч.-попул. Очерк / Б. Э. Петри. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск, 1928. – 73 с.

Подгорбунский В. И. Итоги и задачи археологических изысканий в пределах Восточной Сибири / В. И. Подгорбунский // Сиб. жив. старина. – 1925. – Вып. 3–4. – С. 321–322.

Подгорбунский В. И. Вопросы археологического изыскания в пределах Прибайкалья / В. И. Подгорбунский // Первый Восточно-Сибирский краевой науч.-исследов. съезд : материалы и докл. секции. – Новосибирск, 1926. – С. 71.

Савельев Н. А. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая / Н. А. Савельев, Г. И. Медведев // Проблемы археологии Урала и Сибири : сб. ст. посвящ. памяти В. Н. Чернецова. – М. : Наука, 1973. – С. 56–64.

Свинин В. В. Археология озера Байкал : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Свинин. – Новосибирск, 1970. – 20 с.

Свинин В. В. Археологические памятники Байкала и их исследователи / В. В. Свинин // Древности Байкала. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 111–133.

Сизиков А. М. Геология и возраст рыхлых отложений многослойного археологического памятника в бухте Улан-Хада / А. М. Сизиков, Н. А. Савельев, Л. А. Филимонова // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1975. – С. 121–141.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири / отв. ред. Г. И. Медведев, Н. А. Савельев, В. В. Свинин. – Иркутск, 1990. – 165 с.

Титов Е. И. Неолитическая стоянка на крайнем севере Байкала / Е. И. Титов // Изв. ВСОРГО. – 1926. – Т. 51. – С. 163–165.

Туркин Г. В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II–I тыс. до н.э.: (по материалам погребально-поминальных комплексов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. В. Туркин. – Иркутск, 2003. – 24 с.

Уваров А. С. Археология России. Каменный век / А. С. Уваров. – М., 1881. – Т. 1. – 439 с.

Флоренсов Н. А. Основные этапы геологического изучения Байкала и окрестной суши / Н. А. Флоренсов // Путь познания Байкала. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 13–34.

Формозов А. А. История термина «археология» / А. А. Формозов // ВИ. – 1975. – № 8. – С. 214–218.

Харинский А. В. «Городища» побережий озера Байкал в железном веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Харинский. – Новосибирск, 1994. – 18 с.

Харинский А. В. Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. – середине II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. По материалам погребальных комплексов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. В. Харинский. – Владивосток, 2001. – 46 с.

Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация / А. В. Харинский. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001. – 199 с.

Хлобыстин Л. П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. П. Хлобыстин. – Л., 1964. – 18 с.

Хлобыстин Л. П. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л. : Наука, 1965. – Т. 5. – С. 252–279. – (МИА. – № 131).

Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон) / П. П. Хороших // Изв. БГНИИ при ИГУ. – Иркутск, 1924. – Т. 1, вып. 1. – 51 с.

Хороших П. П. Древности Кудинских степей / П. П. Хороших // Бурятияведение. – 1929. – № 9–10. – С. 142–151; № 3–34. – С. 85–88.

Черский И. Д. О древностях, известных в районе Ольхонского ведомства / И. Д. Черский // Землеведение Азии. Восточная Сибирь: озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. Новейшие сведения об этих странах (1832–1894 гг.). – СПб., 1895. – Ч. 2. – С. 492–508.

Черский И. Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода / И. Д. Черский // Изв. ВСОРГО. – 1872. – Т. 5, № 3–4. – С. 128–146.

Черский И. Д. Предварительный отчет о геологическом исследовании береговой полосы оз. Байкал (год третий, 1879) / И. Д. Черский // Изв. ВСОРГО. – 1880. – Т. 11, № 1–2. – С. 8–82.

Черский И. Д. Предварительный отчет о геологическом исследовании береговой полосы озера Байкал (год четвертый, 1880 и последний) / И. Д. Черский // Изв. ВСОРГО. – 1881. – Т. 12, № 2–3. – С. 1–82.

Шамсутдинов В. Х. Новая верхнепалеолитическая стоянка в Забайкалье / В. Х. Шамсутдинов // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – 1966. – № 32. – С. 128–133.

Шмыгун П. Е. Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала / П. Е. Шмыгун // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. – М., 1981. – С. 120–128.

Шмыгун П. Е. Нижний комплекс стоянок Курла / П. Е. Шмыгун, А. К. Филиппов // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 15–24.

Kurta XI, a Middle Holocene Hunter-Gatherers Cemetery on Lake Baikal, Siberia: Archaeological and Osteological Materials / A. W. Weber, O. I. Goriunova, H. G. McKenzie, A. R. Lievese. – Edmonton : CCI Press, 2012. – 276 p.

Khuzhir-Nuge XIV: a Middle Holocene Hunter-gatherer Cemetery on Lake Baikal, Siberia: Osteological Materials / A. W. Weber [et al.]. – Edmonton : CCI Press, 2007. – 216 p.

Khuzhir-Nuge XIV, a Middle-Holocene Hunter-gatherer Cemetery on Lake Baikal Siberia: Archaeological Materials / A. W. Weber, O. I. Goriunova, H. G. McKenzie, A. G. Novikov, N. Iu. Kungurova, A. P. Sekerin, N. D. Ovodov. – Edmonton : CCI Press, 2008. – 380 p.

Nomokonova T. Prehistoric fishing on lake Baikal, Siberia. Analyses of faunal remains from Ityrkhei cove / T. Nomokonova, R. J. Losey, O. I. Goriunova. – Saarbrücken : VDM Verlag Dr. Müller, 2009. – 110 p.

Philosophical Transactions of the Royal Society of London : January – June 1737. – London, 1741. – P. 124–138.

Geoarchaeological Baikal Study: Formation, Current Status, Specificity

G. I. Medvedev, N. E. Berdnikova, O. I. Goriunova, E. A. Lipnina,
A. G. Novikov, I. M. Berdnikov

Abstract. We have presented the history data of the formation of one of the most important areas of the study of human and nature in North Asia in the geological past Pleistocene and Holocene on the shores of the Baikal. In other words, the article focuses on «geoarchaeological baikal study», its origin, evolution, current state and assessment of the prospects for the future research. The authors offer a description and characteristics of the events, geoarchaeological objects, personalities that is covering a period of about 300 years. Geoarchaeological Baikal study is viewed on a broad background of general archaeological research in the areas of platform Baikal in Siberia. Many of the materials for publication is little known or previously had a different interpretation. In the future we plan to propose a scheme of geoarchaeological zoning of the shores of Lake Baikal, to talk about research of the cave objects, new places of rock carvings, stone walls, «settlement» and much more.

Keywords: Baikal study, geoarcheology, Paleolithic, Neolithic, Kitoi stratum, paleometal, paleogenetics, paleogeography.

Медведев Герман Иванович

доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой археологии, этнологии,
истории древнего мира
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: u002343@ic.isu.ru

Medvedev German Ivanovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Head of Department of Archaeology,
Ethnology, History of the Ancient World
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: u002343@ic.isu.ru

Бердникова Наталья Евгеньевна

научный сотрудник, научно-
исследовательский центр
«Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: nberd@yandex.ru

Berdnikova Natalia Evgen'evna

Researcher, Scientific Research Center
«Baikal region»
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: nberd@yandex.ru

Горюнова Ольга Ивановна

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник, научно-исследовательский
центр «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: as122@yandex.ru

Goriunova Olga Ivanovna

Candidate of Sciences (History), Senior
Researcher, Scientific Research Center
«Baikal region»
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: as122@yandex.ru

Липнина Екатерина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры археологии, этнологии, истории
древнего мира
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: u002343@ic.isu.ru

Новиков Алексей Геннадьевич

кандидат исторических наук, научный
сотрудник, научно-исследовательский
центр «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: as122@yandex.ru

Бердников Иван Михайлович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
научно-исследовательский центр
«Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: yan-maiski@yandex.ru

Lipnina Ekaterina Anatol'evna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor of Department of Archaeology,
Ethnology, Ancient History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: u002343@ic.isu.ru

Novikov Alexey Gennad'evich

Candidate of Sciences (History), Researcher,
Scientific Research Center «Baikal region»
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: as122@yandex.ru

Berdnikov Ivan Mikhailovich

Candidate of Sciences (History), Senior
Researcher, Scientific Research Center
«Baikal region»
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: yan-maiski@yandex.ru